

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40

УЧАСТИЕ В. М. МОЛОТОВА И К. Е. ВОРОШИЛОВА В АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Слободянина А. В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена освещению участия В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в англо-франко-советских переговорах в 1939 г. Автор уделяет особое внимание анализу источников и литературы по этой теме. Многие исследователи, опираясь на мнение В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова, полагают, что в предвоенной ситуации СССР был единственным борцом за мир и обвиняют англо-французских участников в провале переговоров и предательстве геополитических интересов стран – потенциальных жертв агрессии. Они считают заключение пакта Молотова-Риббентропа правильным решением в сложившейся международной обстановке. Другие считают виновным и СССР и говорят о предательстве интересов Англии и Франции при заключении пакта Молотова-Риббентропа.

Ключевые слова: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, англо-франко-советские переговоры, отечественная историография, политика умиротворения, пакт Молотова-Риббентропа.

PARTICIPATION OF V.M. MOLOTOV AND K.E. VOROSHILOV IN THE ENGLISH-FRENCH-SOVIET NEGOTIATIONS BEFORE THE SECOND WORLD WAR DESCRIBED IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A. Slobodyanina

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the elucidation of V. M. Molotov's and K. E. Voroshilov's participation in the English-French-Soviet negotiations in 1939. The author pays special attention to the analysis of historical sources and literature in this subject. A lot of researchers, following the opinion of V. M. Molotov and K. E. Voroshilov, believe that the USSR was just the single fighter for peace during the pre-war times and accuse the English-French participants of the negotiations downfall and the treachery of geopolitical interests of the states which were potential victims of aggression. They believe that the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact was a sound decision in the international situation of that time. Other historians consider the USSR to be to blame too and point out the treachery interests of Great Britain and France while the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact was being signed.

Key words: V. M. Molotov, K. E. Voroshilov, the English-French-Soviet negotiations, domestic historiography, the policy of appeasement, the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact.

События 1939 г. представляют большой интерес для исследователей. Это связано с вопросом о том, можно ли было предотвратить Вторую мировую войну. Историки дают разные оценки международным отношениям этого периода. Со стороны СССР дипломатические переговоры с Англией и Францией проводил нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, а советскую военную делегацию на московских переговорах в августе 1939 г. возглавлял нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов. В отечественной историографии этот вопрос специально не освещался, но он косвенно отражён в статьях и монографиях, посвящённых предвоенному периоду.

Историографические труды по этой теме появились только во второй половине 1990-х гг. Одна из первых работ – кандидатская диссертация И. И. Филимонова «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной историографии». С первых же страниц прослеживается его предвзятое отношение к советской историографии затрагиваемого периода: «Господство в стране тоталитарного режима сдерживало развитие исторической науки: идеологический диктат со стороны правящей верхушки партийно-государственного аппарата СССР, наличие в стране единой сталинистской концепции в освещении событий прошлого, отсутствие гласности, узкая база источников служили тормозом в развитии отечественной историографии» [22, с. 3]. Несомненно, его оценка является отражением эпохи Перестройки и 1990-х гг. Таким образом, задаётся определённая тональность для оценки происходивших событий и их освещения в научной

исторической литературе. Но с замечанием автора о расширении базы источников и его положительном влиянии на развитие отечественной исторической науки можно согласиться [22, с. 3–4].

Если И. И. Филимонов затронул отечественную историографию советско-германских отношений лишь до середины 1990-х, то И. В. Грибан в кандидатской диссертации «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии» очень подробно рассмотрела и зарубежные труды, а также работы, опубликованные в конце 1990-х – начале 2000-х гг., развив, таким образом, ещё больше эту тему. Она отмечает, что события и их интерпретация оспариваются, подвергаются переосмыслению, критике, изменениям под влиянием различных факторов [3, с. 213]. На наш взгляд, характерная черта этой оценки заключается в том, что она достаточно «нейтральна», с ней сложно поспорить. Автор отмечает, что отражение предвоенных событий в разных странах политизировано и имеет ярко выраженную специфику [3, с. 218]. Её волнует, что с начала 2000-х гг. «в российской исторической науке наблюдается... стремление вернуться к традиционной трактовке предвоенного политического кризиса» [3, с. 214]. Она негативно оценивает характерную, по её мнению, для России «манипулируемую память», когда подчёркиваются те факты, которыми можно гордиться, а «неудобные» вопросы, замалчиваются» [3, с. 214].

А. С. Гаспарян, рассматривая историю российско-германских отношений в течение веков, в книге «Россия и Германия. Дружья или враги?» отме-

чает, что вопросов о предвоенном периоде не становится меньше, жаркие споры не только не смолкают, но даже набирают обороты. Автор констатирует, что «сегодня многие придерживаются даже более радиальных взглядов, чем сами участники событий!» При этом у большинства из них оценочные суждения базируются не на действительном знании исторического материала, а основе агитации и пропаганды [2, с. 4–5].

Особенно жаркие споры возникают вокруг пакта Молотова – Риббентропа, за которым, как отмечает И. С. Шишкин, «прочно закрепилась репутация преступного документа», одного из самых противоправных... договоров в истории дипломатии [27, с. 109]. В 2009 г. Европарламент официально принял декларацию провозгласить 23 августа Общеευропейским днём памяти жертв сталинизма и нацизма, а Парламентская ассамблея ОБСЕ утвердила резолюцию, в которой поддержала вышеуказанную инициативу Европарламента. В 2011 г. День памяти жертв тоталитарных режимов уже официально отмечался [27, с. 109–110]. О. А. Ржешевский тоже рассматривает в своих трудах эти решения, отмечая словесную «изысканность» авторов резолюции и осуждая возведение фальсификации истории советско-германского договора на межпарламентский и государственный уровень и их желание поставить на одну доску нацизм и сталинизм [15, с. 148–149; 16, с. 6]. Он считает, что резолюция ОБСЕ оскорбляет память советских воинов, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашизма [15, с. 149]. И. С. Шишкин констатирует: «Пакт занял одно

из ведущих мест в широкомасштабной кампании по насаждению новой концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и сталинизма и равной ответственности СССР и Германии за мировую бойню» [27, с. 110]. Однако И. С. Шишкин замечает, что в последние годы пакт был объектом не только политики, но и исторической науки, было немало дискуссий, в которых принимали участие представители, зачастую отстаивающие противоположные точки зрения, в научный оборот введено значительное количество новых, недоступных ранее документов, что позволяет составить более объективное представление о событиях прошлого [27, с. 110].

3 мая 1939 г. М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел СССР сменил В. М. Молотов. Это событие не прошло незамеченным для современников. Документы свидетельствуют, что дипломаты стран, взаимодействовавших с Советским Союзом, стремились получить ответ на вопрос, изменится ли внешнеполитический курс СССР со сменой наркома.

В книге Н. А. Нарочницкой и других авторов «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» отмечено, что 6 мая 1939 г. полномочный представитель СССР в Великобритании И. М. Майский послал телеграмму в Народный комиссариат иностранных дел СССР, в которой сообщал, что в Форин-оффисе его спрашивали, изменится ли внешняя политика Советского Союза в связи с уходом М. М. Литвинова со своего поста. Он ответил, что смена наркома никак не отразится на советской внешней политике [10, с. 378–379]. 11 мая временный поверенный в делах Франции в СССР

Ж. Пайяр в разговоре с В. М. Молотовым задал аналогичный вопрос. Молотов заверил его, что советская внешняя политика останется прежней [10, с. 382–383].

Существуют разные мнения о причинах смены М. М. Литвинова В. М. Молотовым. В исторической справке «Фальсификаторы истории» указано, что «в сложной обстановке подготовки фашистскими агрессорами второй мировой войны... необходимо было иметь на таком ответственном посту... более опытного и более популярного в стране политического деятеля, чем М. М. Литвинов» [23, с. 18]. Была ли это единственная причина? Возможно, были и другие, но, несомненно, она была одной из наиболее основных и существенных. Авторы опровергают мнение о том, что М. М. Литвинов проводил политику коллективной безопасности и поэтому был заменён В. М. Молотовым. Они отмечают, что М. М. Литвинов проводил политику Советского государства, а не свою личную политику» [23, с. 18]. Это важное замечание. Были СНК, Политбюро и другие государственные органы, и М. М. Литвинов не мог проводить «свою собственную политику».

М. М. Наринский усматривает другие причины смены М. М. Литвинова В. М. Молотовым. Он отмечает, что 21 апреля 1939 г. при обсуждении вопроса о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны на совещании в Кремле В. М. Молотов сказал, что для укрепления внешнеполитического положения СССР нужен поиск альтернативных решений, включая возможность улучшения отношений с гитлеровской Германией. При этом резкой критике была подвергнута

«политика Литвинова, ориентированная на союз с Англией и Францией» [1, с. 147]. Он приводит телеграмму И. В. Сталина сотрудникам НКВД от 3 мая 1939 г.: «Ввиду серьёзного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве недояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов» [1, с. 147]. М. М. Наринский отмечает: «Смещение Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противостоящими группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения» [1, с. 147]. Однако «поиск альтернативных решений» ещё не означает «прогерманской» ориентации В. М. Молотова. Он вёл переговоры со всеми участниками международного процесса, а к контактам с Германией относился осторожно, продолжая диалог с Англией и Францией. Таким образом, нельзя согласиться с М. М. Наринским в этом пункте.

Н. В. Стариков же считает, что причина смещения М. М. Литвинова заключалась в том, что он был проанглийски настроен: «его революционная борьба... была связана с Великобританией», находясь в Англии, «он специализировался на закупках и поставках в Россию вооружения... Снимая «большого друга» англичан, Сталин действительно давал Гитлеру

недвусмысленный сигнал» [21, с. 262–264]. Автор отмечает, что Гитлер оценил «замену», сказав, что именно отставка М. М. Литвинова... позволила, в итоге, заключить пакт Молотова–Риббентропа» [21, с. 264–265]. На наш взгляд, Н. В. Стариков несколько преувеличивает масштабы «англофильства» М. М. Литвинова. Находясь на посту наркома иностранных дел, он, несомненно, отстаивал интересы СССР. М. М. Наринский приводит слова М. М. Литвинова о том, что Советскому Союзу «предлагают принять на себя односторонние обязательства, причём ему разъясняют, что это в его собственных интересах. Советское правительство, конечно, само отлично знает свои собственные интересы» [1, с. 146].

В. А. Никонов отмечает, что приход в Народный комиссариат иностранных дел В. М. Молотова вызвал в мире взрыв [12, с. 5]. А. М. Коллонтай писала, что её осаждали журналисты и озабоченные дипломаты, было немало домыслов о расколе в партии и правительстве, что СССР вооружается и готов вступить на путь агрессии и т.д. [12, с. 5].

Были и другие версии такой «замены». М. М. Литвинов был женат на англичанке, а это могло вызвать конфликт интересов с пребыванием его на посту главы МИДа. Также он был евреем, что делало невозможными его переговоры с фашистской Германией. И. В. Сталин мог принять во внимание, что «ещё Г. В. Чичерин в конце 20-х гг. называл В. М. Молотова в качестве своего преемника» [12, с. 5]. Однако В. А. Никонов считает: «Все эти соображения могли иметь место. Но не это было главным (выделено

нами. – А.С.). Тот факт, что Молотов к посту председателя Совнаркома прибавил ещё и должность наркома иностранных дел, свидетельствовал о движении дипломатии на первый план советской политики. Литвинов никогда не входил в руководство страны, очерчиваемое кандидатами и членами ПБ, руководством СНК и Секретариатом ЦК... Характер переговоров, которые мог вести В. М. Молотов, уровень решаемых на них вопросов был более серьёзным, чем при Литвинове. Авторитет и возможности внешнеполитического ведомства взмывали на небывалую ещё в советской (а может, и во всей отечественной) истории высоту... С точки зрения количества формально занимаемых должностей и отношений со Сталиным именно этот короткий, с мая по август 1939 г., период можно считать пиком служебной карьеры Молотова» [12, с. 5–6]. Точка зрения В. А. Никонова представляется наиболее аргументированной и приемлемой.

М. Н. Панкрашова и В. Я. Сиполс отмечают, что английская и французская стороны затягивали ход **дипломатических переговоров**, пытаясь утопить решение существенных вопросов в море условностей и деталей [14, с. 16–49]. Эта стратегия не способствовала желанию продолжать диалог, что было выражено в словах В. М. Молотова: «Англо-французское предложение наводит на мысль, что Правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нём» [23, с. 46]. Такое жёсткое заявление логично и соответствует позиции любого уважающего себя государства. Оно тем более актуально, что И. В. Сталин 10 марта 1939 г. в Отчётном докладе ЦК ВКП(б) съезду пар-

тии говорил, что необходимо «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [20, с. 574].

В книге О. А. Ржешевского, Е. Н. Кулькова и М. Ю. Мягкова «Вся правда о Великой войне» отмечается, что «Период марта–августа 1939 г. – это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией, Англией и Францией, Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы, между Германией, Италией и Японией, между Японией и Советским Союзом и т.д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны» [16, с. 14–15]. Однако авторы отмечают, что «СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями» [16, с. 15].

В. А. Никонов подчёркивает: «17 апреля СССР выступил с предложением, которое содержало в себе, по сути, формулу возрождения Антанты: заключить “соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств”, оказывать всевозможную помощь восточноевропейским государствам, “в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи”» [11, с. 429]. У. Черчилль считал, что если бы Н. Чемберлен, в ответ на пред-

ложения советской стороны, согласился объединить усилия трёх стран для отражения агрессии, то и парламент бы это одобрил, «а история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти могла» [11, с. 429; 26, с. 401]. История не знает сослагательного наклонения, но слова У. Черчилля демонстрируют, что был шанс избежать войны. Однако 3 мая 1939 г. на заседании кабинета министров было принято решение – в целях предотвращения нормализации в советско-германских отношениях «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры с СССР». При этом «Чемберлен в парламенте заявил, что советское предложение о союзе трёх держав для Англии неприемлемо» [11, с. 429]. А. Б. Широкопад отмечает, что, несмотря на это, У. Черчилль предпринимал попытки переубедить парламент. 4 мая он говорил о том, что удержать нацистский фронт против агрессии невозможно без содействия со стороны России, что нельзя терять время, что он не может понять причины возражений против союза с СССР, единственная цель которого – «оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии», что позиция советского правительства прозрачна, честна и предельно проста, что союз с Россией поможет избежать войны и что «если случится самое худшее, вы всё равно окажетесь вместе с ней по мере возможности» [26, с. 401]. Дальнейший ход истории показал, насколько У. Черчилль был прав.

Довольно традиционно разделение союзников «на два лагеря»: Лондон и Париж – с одной стороны, и Москва – с другой. Присутствует оно в историче-

ской справке «Фальсификаторы истории» [23, с. 38], в трудах И. Ф. Ивашина [5, с. 15] и даже М. М. Наринского [1, с. 146]. Получается, что переговоры не трёхсторонние (в них принимали участие представители трёх государств), а двухсторонние! Но В. М. Молотов не расценивал англо-французскую позицию как единую [10, с. 382–383].

Оценка М. М. Наринским дипломатических переговоров трёх стран несколько противоречива. Он признаёт, что дипломаты Англии и Франции не сделали выводов из ситуации с назначением В. М. Молотова на пост наркома иностранных дел и не поняли всей серьёзности международной обстановки, не хотели идти на компромисс с СССР. В. М. Молотов считал их предложения неравноправными по отношению к СССР [1, с. 147]. Великобритания и Франция желали навязать Советскому Союзу односторонние обязательства, против чего выступал В. М. Молотов [23, с. 39–40]. Но М. М. Наринский считает, что «англо-французские и советские предложения создавали приемлемую основу для заключения тройственного соглашения о взаимопомощи и о гарантиях» [1, с. 149]. Однако эти предложения во многом противоречили друг другу. Разногласия по вопросу о косвенной агрессии были существенны, представления по теме о незаключении сепаратного соглашения – принципиально противоположны, по вопросу о прямом указании стран, которым гарантирована помощь трёх договаривающихся сторон, единства не было, вопрос об одновременном заключении дипломатического и военного соглашения был камнем преткновения. Следовательно, никакой «приемлемой

основы для заключения тройственного соглашения» на тот момент не существовало.

При анализе хода **переговоров военных миссий** становится ясно, что английская и французская стороны были уполномочены вести только переговоры о сотрудничестве (но не подписывать договор) [14, с. 95]. Наиболее полные полномочия имела советская делегация: «*Вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе*» [14, с. 95].

М. М. Наринский так трактует основную идею инструкций, данных К. Е. Ворошилову для переговоров с представителями Англии и Франции: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным *принципиальным вопросам* (выделено нами. – А. С.), главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключённым, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом её варианте обречена на провал...» [1, с. 154]. В этом отрывке ясно указаны условия заключения соглашения. Но М. М. Наринский делает вывод: «Позиция Кремля обрекала тройственные военные переговоры на неудачу» [1, с. 154]. Вопрос – почему М. М. Наринский процитировал инструкции лишь частично? В результате так или иначе он искажает смысл указаний для советской делегации. К тому

же ещё 11 мая 1939 г. посол Польши в СССР В. Гжибовский заявлял, что Польша не присоединится ни к какому договору [10, с. 383]. А. Б. Широкопад в книге «Польша. Непримируемое соседство» высказывает мысль о том, что «Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами»: первая – это «боязнь восстания белорусов и украинцев», а вторая заключается в том, что «польская армия за неделю возьмёт Берлин!» [26, с. 402]. О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков и М. Ю. Мягков отмечают: «Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии» [16, с. 17].

Не было у англичан и французов и конкретных планов, несмотря на замечание К. Е. Ворошилова, что именно они должны в первую очередь их иметь, так как СССР непосредственно не граничит со странами-агрессорами и лишь во вторую очередь может стать объектом нападения. Картина участия военных подразделений Англии и Франции в отражении агрессии была самой общей. По словам главы французской делегации генерала Думенка, Франция имела 110 дивизий. Генерал Хейвуд заявил, что Англия в течение 6-ти месяцев планирует мобилизовать эшелон из 16 дивизий. Но на момент переговоров она имела 6 дивизий. У советской стороны был детальный план сотрудничества. Начальник Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошников выделил три варианта возможных направлений агрессии и действий вооружённых сил СССР, Англии и Франции в каждом

случае. СССР был готов развернуть 136 дивизий... Предусматривалось, что Польша, имеющая договоры с Англией и Францией, выступит против Германии и выставит не менее 45 дивизий [14, с. 97–106; 26, с. 401–402].

В. Я. Сиполс в монографии «Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг.» акцентирует внимание на том, что честность и открытость позиции СССР отмечали и наши «союзники». Например, глава английской военной миссии адмирал П. Дракс – главный адъютант короля по морским делам – говорил, что К. Е. Ворошилов «стремился скорее заключить соглашение с Англией и Францией», не желая терять время [18, с. 262–269]. Но договор не мог быть заключён в ущерб интересам СССР. В. Я. Сиполс затронул эту тему и в монографии «Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны» [17, с. 258].

И. Д. Овсяный указывает, что англичане в тайных переговорах с немцами «оправдывались» за начатые ими переговоры с СССР, английские бизнесмены считали их целесообразными только ввиду неподготовленности Великобритании к войне в случае её начала, но эти меры «не должны быть истолкованы как свидетельство какой-либо симпатии по отношению к существующей там (в СССР. – А. С.) системе правления» [13, с. 143]. Они отмечали, что сторонники союза с СССР в Англии многочисленны и «не пользуются влиянием» [13, с. 143].

Это опровергают отрывки из писем наших полпредов в Англии и Франции, приводимые В. А. Никоновым в книге «Молотов. Наше дело правое»: «Разочарование в Мюнхене и негодо-

вание против Германии всеобщее. Политика “умиротворения” в сознании широчайших масс мертва... Мы здесь сейчас в большой моде» [11, с. 427].

М. М. Наринский делает иное заключение: «И Англия, и Советский Союз вели своеобразную «двойную игру», осуществляя параллельные контакты с Германией» [1, с. 151]. Можно заметить: если Англия вела переговоры с Германией, почему этого не мог делать Советский Союз? К тому же СССР на тот момент не имел деклараций о ненападении с фашистской Германией, а у Англии и Франции они были! [23, с. 34–35].

Отдельно следует выделить тему **заключения пакта Молотова–Риббентропа** и её связь с англо-франко-советскими переговорами. Историки, рассматривая один из этих вопросов, так или иначе затрагивают и другой. Различия заключаются лишь в том, что является причиной, а что – следствием: переговоры СССР с Великобританией и Францией закончились провалом ввиду заключения пакта Молотова–Риббентропа или же СССР заключил соглашение с Германией из-за того, что его переговоры с представителями Англии и Франции зашли в тупик.

Слова немецкого дипломата Шуленбурга, приведённые в «Истории внешней политики СССР» опровергают мнение, что англо-франко-советские переговоры окончились неудачей в результате заключения советско-германского договора: «У меня сложилось... впечатление, что... Советское правительство решило заключить договор с Англией и Францией, если они выполнят советские пожелания» [6, с. 384].

К. Е. Ворошилов в интервью корреспонденту газеты «Известия» отметил:

«Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате... того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹.

И. И. Филимонов считает, что эти «объяснения К. Е. Ворошилова кажутся мало убедительными: сообщение о возможном заключении пакта о ненападении между СССР и Германией появилось в печати 22 августа 1939 г., когда переговоры между государствами всё ещё продолжались» [22, с. 13]. Что можно сказать об этих “претензиях”? Во-первых, есть слова: «о возможном заключении». Значит, дело не решено окончательно. Во-вторых. Как мы видели, английская и французская стороны постоянно затягивали ход переговоров. Военной миссии Англии предписывалось до момента заключения политического соглашения вести переговоры очень медленно: «*Британское правительство... не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки... следует... ограничиваться в военном отношении возможно более общими формулировками*» [14, с. 93]. И. Д. Овсяный отмечает, что несмотря на близкую перспективу войны, наши «союзники» всё время затягивали переговоры и жаловались на «упрямый характер» В. М. Молотова [13, с. 173–181]. То есть уже в середине августа было ясно, что переговоры трёх стран не предвещали скорого заключения договора. Следовательно, слова И. И. Филимонова о “неискрен-

¹ Известия. 1939. 27 авг.

ности” К. Е. Ворошилова по поводу истинных причин заключения советско-германского договора и провала англо-франко-советских переговоров неубедительны. В-третьих, К. Е. Ворошилов в уже упомянутом интервью газете «Известия» отмечал, что «СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора». Таким образом, К. Е. Ворошилов ничего не скрывал, а откровенно и подробно рассказал о причинах провала англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 г. и подписания договора с Германией.

По мнению заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского, «отъезд делегаций – это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остаётся... переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции» [14, с. 121].

И. И. Филимонов привёл слова В. М. Молотова: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать – это дело политических взглядов. Но... идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война “за уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию» [22, с. 16]. Автор делает вывод: «Подобное заявление В. М. Молотова фактически говорило о том, что СССР и Герма-

ния теперь сближаются между собой не только политически, но и идеологически» [22, с. 16]. Но данный вывод не следует из приведённого заявления В. М. Молотова. Он не высказывал симпатий гитлеризму. СССР заключил с Германией договор о ненападении; соответственно, призывы к войне с “идеологией гитлеризма” (следовательно – о превентивном ударе) нельзя расценивать иначе, как провокацию.

Многие историки и ветераны считают, что в предвоенной обстановке пакт Молотова–Риббентропа был для СССР необходимым и вынужденным решением. М. Ю. Мягков пишет о договоре: «С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной обстановке» [8, с. 58]. Не стоит забывать, что предварительно начало войны было определено немцами на 26 августа 1939 г. [13, с. 152]. Времени для принятия решения у СССР практически не оставалось, а соглашение с Великобританией и Францией уже не могло быть подписано ввиду их медлительности. М. И. Мельтюхов считает, что, исходя из целей, которые ставил перед собой Советский Союз, «это был вовсе не просчёт, а желанный для него результат» [7, с. 384]. О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков и М. Ю. Мягков отмечают, что в военной науке важное значение имеет понятие «геостратегическое пространство», и данном случае, геостратегическое пространство, отодвинутое от ключевых центров СССР, обеспечивало возможности для более надёжной обороны страны [16, с. 19–20].

И. С. Шишкин в статье «Преступный пакт без преступления» рассма-

тривает юридические тонкости заключения советско-германского договора, опровергая доводы его противников [27, с. 110–119]. Он считает, что этот пакт соответствовал существующим тогда нормам международного права [27, с. 119]. Единственная «зацепка» – его противоречие «духу» советско-польского договора о ненападении от 1932 г. Но «дух» договора – вещь сложно определяемая. Польша «дух» советско-польского договора неоднократно не принимала во внимание при взаимодействии с другими государствами [27, с. 112–113, 119]. Так что эти рассуждения равносильны обвинениям в нарушении Вечного мира с Польшей от 1686 г. [27, с. 113]. И. С. Шишкин резюмирует: «советскому руководству в критически сложных условиях начинающейся мировой войны удалось оформить свои действия по обеспечению безопасности страны в полном соответствии с нормами международного права, не заложив ни одной юридической мины» [27, с. 119].

А. С. Гаспарян в книге «Россия и Германия. Друзья или враги?» также разбирает различные доводы критиков советско-германского договора, опровергая их аргументы [2, с. 187–213].

М. М. Наринский считает, что советско-германский пакт – это соглашение правителей двух тоталитарных государств, направленное на раздел сфер влияния в восточной части Европы и на её военно-политическое переустройство [1, с. 158]. С этим выводом согласиться нельзя. Цель СССР была связана не с захватом земель, а с обеспечением безопасности на более или менее продолжительный срок. Сам же М. М. Наринский отмечал, что СССР не сразу согласился подписать доку-

мент: «В целом понять ход тройственных переговоров невозможно без анализа развития отношений между СССР и Германией» [1, с. 151]. Эти переговоры начались почти одновременно с англо-франко-советскими (немцы заявили о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры с СССР в декабре 1938 г., а поворот к сближению двух стран наметился в апреле 1939 г) [1, с. 151]. Но на этом этапе В. М. Молотов говорил о желательности «продолжения обмена мнениями (так в тексте. – А. С.) об улучшении отношений» [1, с. 153]. До конца июля 1939 г. СССР проводил лишь *зондаж* обстановки, обсуждал *возможное сотрудничество*. *Обмен мнениями* не мог нанести ущерба англо-франко-советским переговорам. Важно, что у немцев, в отличие от англичан и французов, было желание договориться с СССР.

М. М. Наринский настаивает: «Заключением советско-германского пакта Сталин выиграл не время, а территорию. Он счёл соглашение с Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку» [1, с. 159]. Он согласен с польским историком Э. Дурачински: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше» [1, с. 159]. М. М. Наринский считает, что: «договор о ненападении и секретный дополнительный протокол стали тактическим успехом Сталина, но его стратегическим просчётом. Договор был выгоден Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях» [1, с. 161]. С ним согласен и академик А. О. Чубарьян [24, с. 19]. На наш взгляд, приведённых этими авторами доводов недостаточно для того, чтобы делать подобный вывод. Конеч-

но, Гитлеру договор был выгоден – он иначе не стал бы его заключать. Но нельзя сказать, что договор был стратегическим просчётом Сталина: СССР получил от его заключения многое – выиграл время, отодвинул государственную границу от стратегических промышленных центров. В. М. Молотов вспоминал: «Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились» [25, с. 16]. О. А. Ржешевский считает, что «Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке» [15, с. 162]. СССР это удалось.

Можно назвать ещё ряд авторов, считающих, что все стороны переговоров несут равную ответственность за их провал. С. З. Случ пишет, что провал англо-франко-советских переговоров – это «результат “упущенных возможностей” всех участников» [19, с. 173]. В. И. Дашичев отмечает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия» [4, с. 13]. Согласиться с этими авторами нельзя. И. В. Сталин объяснял: «Советское правительство не могло отказаться от заключения пакта с Германией... так как это был договор о ненападении между двумя государствами» [5, с. 21]. А. Б. Широкоград отмечает, что даже если советско-германский договор и был «похабным», то он был временным и необходимым в сложившихся условиях и ни один из его критиков не

предложил пока разумной альтернативы действиям советского правительства [26, с. 411]. У советского руководства не было иллюзий относительно планов Германии развязать войну против СССР, но стремление выиграть время заставило пойти на подписание пакта, и перспективу войны удалось отодвинуть на более дальний срок. В этой связи подписание договора о ненападении с Германией – правильное и дальновидное решение.

М. М. Наринский, отмечая подозрительность и взаимное недоверие между переговорщиками [1, с. 146], считает, что ответственность за развязывание войны несут все участники международного процесса: «Недооценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам, обусловила неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров» [9, с. 43–44; 1, с. 161]. Хотелось бы особо отметить, что М. М. Наринский, приводя аргументы в пользу своей точки зрения, использует, в подавляющем большинстве, постсоветскую литературу (А. О. Чубарьян, В. И. Дашичев, Э. Дурачинский), где по большей части, отстаивается тезис о том, что *все* участники англо-франко-советских переговоров несут равную ответственность за провал в переговорах. В то же время ссылок на советскую и современную литературу, где отстаивается противоположная точка зрения, почти нет. Скорее всего, М. М. Наринский делает это сознательно, чтобы избежать противоречий. Он приводит аргументы одной стороны, позволяющие ему представить события в нужном для него ключе.

В отечественной литературе неоднократно отмечалось, что восхожде-

ние нацизма не было случайным, оно происходило «под контролем» крупнейших западноевропейских держав, которые при желании могли нейтрализовать его в зародыше. Об этом говорил сам В. М. Молотов [25, с. 27–29]. В книге Н. В. Старикова «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Роковая ошибка Гитлера» приведены серьёзные аргументы в пользу вывода о том, что гитлеровский режим был «выращен» Англией с целью направить его потенциал против СССР [21, с. 19–146].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: по вопросу об участии В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в переговорах с Англией и Францией в отечественной историографии существуют две точки зрения.

Одни авторы считают, что Советский Союз сделал всё возможное для достижения соглашения с Великобританией и Францией, но представители этих стран не удовлетворили законные и естественные требования СССР, например, об одновременном подписании и вступлении в силу дипломатического соглашения и военной конвенции, о незаключении сепаратного перемирия с агрессором, о необходимости согласия Польши на пропуск советских войск через её территорию и ряд других условий, из-за чего переговоры окончились провалом. Сторонни-

ки этой точки зрения считают, что вина за неудачу в переговорах полностью лежит на представителях Англии и Франции, а подписание пакта Молотова-Риббентропа было вынужденным, необходимым и единственно возможным в той ситуации решением. Также они считают, что, несмотря на то, что Англия и Франция завели переговоры в тупик, они могли быть продолжены. Эту позицию отстаивают М. Н. Панкрашова, В. Я. Сиполс, О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, М. И. Мельтюхов, А. Б. Широкоград, И. С. Шишкин, Н. В. Стариков, А. С. Гаспарян и ряд других исследователей. Она отражена в «Истории внешней политики СССР. 1917–1985» (под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева) и в исторической справке «Фальсификаторы истории».

Иная точка зрения состоит в том, что все участники англо-франко-советских переговоров несут равную ответственность за их провал. Среди таких историков А. О. Чубарьян, М. М. Наринский, И. И. Филимонов, С. З. Случ, В. И. Дашичев.

В связи с проведённым сравнительным анализом этих точек зрения более основательной и правильной представляется первая.

Статья поступила в редакцию 24.10.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белые пятна – чёрные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М.: Аспект-Пресс, 2010. 823 с.
2. Гаспарян А. С. Россия и Германия. Друзья или враги? М.: Эксмо, 2017. 352 с.
3. Грибан И. В. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 368 с.
4. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М.: Наука, 2005. 524 с.

5. Ивашин И. Ф. Международные отношения и внешняя политика СССР накануне Второй мировой войны (март – сентябрь 1939 г.) : Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: [б.и.], 1951. 27 с.
6. История внешней политики СССР, 1917–1985 : в 2 т. Т. 1. 1917–1945 / под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 536 с.
7. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. 544 с.
8. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006. С. 47–60.
9. Наринский М. М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // Вестник МГИМО Университета [Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны]: «Завтра может быть уже поздно...». 2009. S4. С. 23–47.
10. Нарочницкая Н. А., Демурич М. В., Дрожжин С. Н., [и др.]. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. 409 с.
11. Никонов В. А. Молотов. Наше дело правое: в 2 кн. Книга первая. М.: Молодая гвардия, 2016. 472 с.
12. Никонов В. А. Молотов. Наше дело правое: в 2 кн. Книга вторая. М.: Молодая гвардия, 2016. 524 с.
13. Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М.: Политиздат, 1981. 318 с.
14. Панкрашова М. Н., Сиполс В. Я. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции (Документальный обзор). М.: Агентство печати «Новости», 1970. 125 с.
15. Ржешевский О. А. Советско-германский договор о ненападении 1939 г. Некоторые итоги дискуссии // Мировые войны XX в.: материалы круглого стола, 17 сентября 2009 г. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2011. С. 148–177.
16. Ржешевский О. А. Кульков Е. Н., Мягков М. Ю. Вся правда о Великой войне. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
17. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., доработанное и дополненное. М.: Международные отношения, 1989. 366 с.
18. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг. М.: Новина, 1997. 447 с.
19. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941 (Дискуссии, комментарии, размышления). М.: Наука, 2007. 487 с.
20. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1947. 611 с.
21. Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Роковая ошибка Гитлера. СПб.: Питер, 2016. 364 с.
22. Филимонов И. И. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1997. 244 с.
23. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 79 с.
24. Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика 1939–1941 / под ред. А. О. Чубарьяна. М.: Наука, 1999. С. 7–20
25. Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.
26. Широкоград А. Б. Польша. Непримириное соседство. М.: Вече, 2018. 496 с.
27. Шишкин И. С. Преступный пакт без преступления // Обозреватель-Observer. 2012. № 7. С. 109–120.

REFERENCES

1. Torkunov A., Rotfeld A. D., eds. *Belye pyatna – Chernue pyatna. Slozhnye voprosy v rossiiskopol'skikh otnosheniyakh* [White spots – Black spots. Complex issues of the Russian-Polish relations]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2010. 823 p.
2. Gasparyan A. S. *Rossiya i Germaniya Druz'ya ili vragi?* [Russia and Germany. Friends or foes?]. Moscow, Eksmo Publ., 2017.
3. Griбан I. V. *Sovetsko-germanskie otnosheniya 1939–1941 gg. v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii : dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet-German relations 1939–1941 in domestic and foreign historiography : PhD thesis in Historical sciences]. Ekaterinburg, 2013. 368 p.
4. Dashichev V. I. *Strategiya Gitlera – put' k katastrofe, 1933–1945: Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy : v 4 t. T. 1: Podgotovka ko Vtoroi mirovoi voine, 1933–1939* [Hitler's strategy – the path to disaster, 1933–1945: Historical essays, documents and materials: in 4 vol. Vol. 1: Preparations for the Second World War, 1933–1939]. Moscow, Science Publ., 2005. 524 p.
5. Ivashin I. F. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika SSSR nakanune Vtoroi mirovoi voyny (mart–sentiabr 1939): Lektsiya, pročitannaya v Vyshei partiinoi shkole pri TsK VKP(b)*. [International relations and foreign policy of the USSR on the eve of the Second World War (March - September 1939) : A lecture given at the Higher Party School of the Central Committee of the CPSU(b).]. Moscow, 1951. 27 p.
6. Gromyko A. A., Ponomarev B. N., eds. *Istoriya vneshnei politiki SSSR, 1917–1985 : v 2 t. T. 1. 1917–1945* [The history of the USSR's foreign policy, 1917–1985: in 2 vol. Vol. 1. 1917–1945. 5th ed.]. Moscow, Science Publ., 1986. 536 p.
7. Mel'tyukhov M. I. *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939* [Stalin's lost chance. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939]. Moscow, Veche Publ., 2000. 544 p.
8. Myagkov M. Yu. [From the Munich agreement to the Soviet-German treaty of August 23, 1939: Pre-history of the question]. In: *Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR* [The international crisis of 1939–1941: from the Soviet-German treaties of 1939 to the German attack on the USSR]. Moscow, Human rights Publ., 2006, pp. 47–60.
9. Narinskii M. M. [The international political crisis on the eve of the Second World War]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta. [Spets. vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroi mirovoi voyny]: «Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...»* [Bulletin of MGIMO University. [Special release to the 70th anniversary of the beginning of the Second World War]: “Tomorrow it may be too late ...”]. Moscow, MGIMO University Publ., 2009, pp. 23–47.
10. Narochitskaya N. A., Demurin M. V., Drozhzhin S. N. and others. *Partitura Vtoroi mirovoi. Kto i kogda nachal voynu?* [The score of the Second World War. Who and when started the war?] Moscow, Veche Publ., 2009. 409 p.
11. Nikonov V. A. *Molotov. Nashe delo pravoe: v 2 kn. Kniga pervaya* [Molotov. Our cause is rightful: in 2 books. Book one]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 472 p.
12. Nikonov V. A. *Molotov. Nashe delo pravoe: v 2 kn. Kniga vtoraya* [Molotov. Our cause is rightful: in 2 books. Book two]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 524 p.
13. Ovsyanyi I. D. *1939: poslednie nedeli mira* [1939: the last weeks of peace]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 318 p.
14. Pankrashova M. N., Sipols V. Ya. *Pochemu ne udalos' predotvratit' voynu. Moskovskie peregovory SSSR, Anglii i Frantsii (Dokumental'nyi obzor)* [Why the attempts to prevent the war failed. Moscow negotiations of the Soviet Union, England and France (Documentary review)]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1970. 125 p.
15. Rzheshhevskii O.A. [The Soviet-German non-aggression pact in 1939, Some of the results of the discussion]. In: *Mirovye voyny XX v.: materialy kruglogo stola, 17 sentyabrya 2009 g.*

- [World war of the XX century: materials of the round table, September 17, 2009]. Moscow, State Central Museum of Contemporary History of Russia Publ., 2011, pp. 148–177.
16. Rzheshhevskii O. A., Kul'kov E. N., Myagkov M. Yu. *Vsya pravda o Velikoi voine* [The whole truth about the Great War]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.
 17. Sipols V. Ya. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic struggle on the eve of the Second World War]. Moscow, International relationships Publ., 1989. 366 p.
 18. Sipols V. Ya. *Tainy diplomaticheskie: Kanun Velikoi Otechestvennoi, 1939–1941* [Diplomatic secrets: Eve of the Great Patriotic War, 1939–1941]. Moscow, Novina Publ., 1997. 447 p.
 19. SSSR, *Vostochnaya Evropa i Vtoraya mirovaya voina, 1939–1941 (Diskussii, kommentarii, razmyshleniya)* [The USSR, Eastern Europe and World War II, 1939–1941 (Discussions, comments, reflections)]. Moscow, Science Publ., 2007. 487 p.
 20. Stalin I. V. *Voprosy leninizma. 11-e izd.* [The issues of Leninism. 11th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1947. 611 p.
 21. Starikov N.V. *Kto zastavil Gitlera napast' na Stalina. Rokovaya oshibka Gitlera* [Who made Hitler attack Stalin. The fatal mistake of Hitler]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 364 p.
 22. Filimonov I. I. *Sovetsko-germanskie otnosheniya 1939–1941 gg. v otechestvennoi istoriografii: dis. ... kand. ist. nauk* [The Soviet-German relations of 1939–1941 in Russian historiography: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 1997. 244 p.
 23. *Falsifikatory istorii (Istoricheskaya spravka)* [Falsifiers of history (Historical information)]. Moscow, Association of state book and magazine publishers, Gospolitizdat Publ., 1948. 79 p.
 24. Chubar'yan A.O. [Soviet foreign policy (1 September – the end of October 1939)]. In: *Voina i politika 1939–1941* [War and politics 1939–1941]. Moscow, Science Publ., 1999, pp. 7–20.
 25. Chuev F.I. *Sto sorok besed s Molotovym: iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov: from F. Chuev's diary]. Moscow, TERRA Publ., 1991. 623 p.
 26. Shirokorad A. B. *Pol'sha. Nепrimirimoє sosedstvo* [Poland. The irreconcilable neighborhood]. Moscow, Veche Publ., 2018. 496 p.
 27. Shishkin I. S. [The Pact criminal without a crime]. In: *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2012, no. 7, pp. 109–120.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянина Анна Валерьевна – независимый исследователь, г. Москва;
e-mail: slobodyanina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Slobodyanina – Independent Researcher, Moscow;
e-mail: slobodyanina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Слободянина А. В. Участие В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в англо-франко-советских переговорах накануне Второй мировой войны в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 24–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40

FOR CITATION

Slobodyanina A.V. Participation of V. M. Molotov and K. E. Voroshilov in the English-French-Soviet negotiations before the Second World War described in Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 24–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40